

Дун Си Старина Чжао-Про-Запас

Чжао хотя и называли «стариной», но старым он еще не был – это было всего лишь дружеское обращение, наподобие того, как к некоторым китайским фамилиям добавляют приставку «А-». По волосам он сошел бы за двадцатилетнего, кожа у него была как у человека за тридцать, при этом он обладал мудростью столетнего старца. С тех пор, как старина Чжао выучился читать и писать, на его лице появилась печать мыслительного процесса. Это выражение сохраняется у него по сей день, и кое-кто, бывает, по ошибке принимает его за наследственные черты, однако на самом деле это результат старательного нахмуривания бровей.

Семь лет назад Сяо Ся, будучи работницей какого-то банка, слыла девицей видной: отличалась и стройностью, и красотой, и манерами. Поклонники выстраивались в очередь, но Сяо Ся никто не нравился: все они казались ей слишком изнеженными, инфантильными, ни на одного из них нельзя было положиться. Только когда в банковское окошко заглянуло лицо старины Чжао с его мыслительной печатью, сердце Сяо Ся заколотилось. Поначалу старина Чжао приходил не для того, чтобы будоражить чужое сердце – он только пополнял счет или снимал с него деньги. Но так как появлялся он часто, мало-помалу они с Сяо Ся перешли от шапочного знакомства до более близкого общения. Тогда-то Сяо Ся и начала уговаривать старину Чжао все свои деньги отдать на хранение этому банку.

— Нельзя держать все яйца в одной корзинке, – возразил старина Чжао. – Нечаянно уронишь – все разобьются. И останусь я голодранцем.

Банк был один из лучших, и даже если бы все другие банки вдруг прогорели, этот выстоял бы. Весь капитал старины Чжао для такого банка – все равно что капля в море, сколько ни клади, сколько ни забирай обратно, никто и не заметит. Сяо Ся считала, что старина Чжао зря беспокоится, и даже решила, что он ей не доверяет. На это он возразил, что может верить человеку, но не компании. А для Сяо Ся, как назло, банк был как отец родной, и она решила проверить старину Чжао на преданность.

— Что ж теперь, когда пьешь чай, чашку тоже надо проглатывать? – возразил старина Чжао.

— Работа для меня – все равно что одежда, – заявила Сяо Ся. – Любишь меня – люби и мою юбку!

Старина Чжао добавил еще денег. Сяо Ся спросила: все, мол, сбережения внес, полностью? Старина Чжао расчихался от возмущения и выдал целую тираду:

— Нельзя человеку иметь только одну веру: случись чего, одной религии не хватит утешиться. Члены семьи не должны ввязываться в одну авантюру или садиться в один самолет. Почему люди ищут себе покровителей? Не для того, чтобы обеспечить себе благополучную жизнь, как говорят многие, а чтобы оставить побольше путей отступления.

Сяо Ся аж поперхнулась от такого напора. Наконец она нашла надежного человека, наконец почувствовала, что под ногами не то что твердая почва, а настоящий цементный пол. Но до свадьбы старине Чжао предстояло выдержать еще одну проверку.

Расстелив на столе карту, Сяо Ся ткнула пальцем в самую дальнюю точку – Магелланов пролив.

— Что скажешь?

— Захочешь – поедem в следующем месяце, – заверил старина Чжао.

Сяо Ся обрадовалась, палец закружил над картой, кружил, кружил и приземлился на Гавайских островах:

— Зачем кровные деньги растрачивать, лучше уж поехать куда поближе.

Старина Чжао как хлопнул ладонью по столу, весь Тихий океан перекосялся:

— Обидеть хочешь? Разве не знаешь – чьи деньги тратят, с тем и целуются?

Палец Сяо Ся снова взлетел вверх, закружил балетные па, пересек горы и моря и белым лебедем опустился на гуйлиньские вершины.

— Выбрала!

У старины Чжао от таких стремительных перемещений голова пошла кругом. Секунду он молчал, привыкая к новому часовому поясу.

— Тратить – так с размахом, чего мелочиться? – проговорил он.

— Твои деньги потрачу – мне же самой потом меньше достанется, – засмеялась Сяо Ся.

Наконец выбрали одну гору на западной стороне. Место популярное, много знаменитых и именитых приезжает, чтобы на эту гору подняться. Взять хотя бы того известного председателя правления, который навевывается в эти края каждый сезон, собирая вокруг себя толпу журналистов, и всякий раз, когда он там появляется, акции компании взлетают до небес и три дня не падают в цене. Старине Чжао и Сяо Ся хотелось, чтобы и их чувства так же взлетели до небес, поэтому оба взяли на работе отпуск. Перед посадкой в самолет старина Чжао купил для каждого по две страховки. Сяо Ся как увидела это, на сердце потеплело. В самолете она уткнулась лицом в плечо старины Чжао, прилепилась к нему решительно и бесповоротно. Вскоре и уткнувшейся, и тому, в кого уткнулись, стало неудобно, все затекло, но

нарушать идиллию неосторожным движением ни одному не хотелось. Так они и просидели весь путь, тысячу с лишним километров, в одной позе.

Как добрались до гостиницы у подножия горы, Сяо Ся вскрикнула:

— Черт побери! Я забронировала только один номер!

— А что, разве нужен второй? – не понял старина Чжао.

— Конечно. Я девушка с принципами! – Сяо Ся надула губы – показать, что не шутит.

Старина Чжао пошел к стойке регистрации, спросил, остались ли еще свободные номера. Ему ответили, что в гостинице бронирование за десять дней. Старина Чжао развел руками, пожал плечами, попросил поставить дня него кровать в коридоре.

— В коридоре нельзя, – сказали ему. – Можно только в номер добавить еще одну кровать.

Старина Чжао, радостный, как новобрачный, повернулся к Сяо Ся – мол, что скажешь.

— Когда я волнуюсь, я не могу уснуть, – заныла Сяо Ся, – а когда не спишь, нет сил взбираться на гору!

— В отпуске положено отдыхать, а не волноваться, – возразил старина Чжао. – Так ты уж не волнуйся, пожалуйста, только не волнуйся...

После ужина старина Чжао с Сяо Ся уединились в комнате. Один сел на стул, другая – на кровать, завели разговор. Старина Чжао чем дальше болтал, тем пуще пыл, затараторил, лицо покраснелось, ни дать ни взять петух раскукарекался, дай ему волю, так бы и кукарекал до утра. Вот только у Сяо Ся сердце было не на месте, в голове одна мысль крутилась: где старина Чжао будет спать?

— Раз ты забронировала только один номер, – сказал старина Чжао, – значит, сама молча согласилась жить вместе.

Сяо Ся замотала головой, руками крест-накрест вцепилась себе в плечи и как-то резко съежилась, стала маленькой, словно муравьишка, лишь бы оказаться подальше от старины Чжао.

— Что, правда хочешь, чтобы я ушел? – спросил тот.

Голова Сяо Ся, до того размером с муравьюню, сразу выросла до нормальной человеческой, чтобы как следует закивать.

— Уверена? – уточнил старина Чжао.

Сяо Ся снова покивала.

Спрашивать обо всем по два раза было многолетней привычкой старины Чжао. Пожелав Сяо Ся спокойной ночи, он поднял зад со стула и подхватил свои вещи. Сяо Ся спросила, куда он идет.

— Спать, – ответил старина Чжао.

— Так ведь негде?

— Я с самого начала боялся, что в ключевой момент объявятся твои принципы, поэтому еще до отъезда забронировал номер про запас, — объяснил он.

Сяо Ся от изумления так глаза вытаращила, что они чуть не выпали. Ее уважение к старине Чжао поднялось на новый уровень, дошло до преклонения.

Во время подъема на гору каждый нес с собой по бутылке воды. Сяо Ся, человек без опыта в этом деле, пила большими глотками; не одолев еще и одной пятой части пути, она допила все подчистую. Старина Чжао начал объяснять, что альпинист, когда пьет, должен только слегка промочить горло, а никак не хлебать залпом. Сяо Ся разозлилась: почему, мол, сразу не предупредил?

— Потому что я заранее подготовился, — сказал старина Чжао, выуживая из рюкзака еще одну бутылку.

Карабкаясь по крутому склону, Сяо Ся до крови порезала руку о колючий кустарник. Старина Чжао мигом вытащил из кармана пластырь, наклеил на ранку.

— Ты обо всем подумал! — похвалила его Сяо Ся.

— Так и должно быть, — сказал он.

Тащил, тянул Сяо Ся за собой старина Чжао, наконец дотянул до середины горы. На этой высоте при новом открывшемся виде в них разыгрались амбиции. Глядя кругом на более низкие, уже, считай, покоренные вершины, Сяо Ся обрадовалась и заявила, что хочет добраться до самой макушки их горы. А склоны становились все круче и круче, ноги все чаще стали поскользываться. Порой одна нога оставалась наверху, а вторая отъезжала далеко вниз, словно грозясь расщепить туловище пополам. Во время одного из таких шпагатов у Сяо Ся с треском порвались штаны в том самом месте.

— А еще фирменные, называется! Вшивое качество! — запричитала Сяо Ся, сидя на корточках и не смея двинуться с места.

Пусть Сяо Ся не единожды убеждалась в предусмотрительности старины Чжао, в этот раз она ни на что не надеялась. Каково же было ее изумление, когда старина Чжао достал из рюкзака иголку с ниткой! Нет, более надежного мужчины не найдешь, думала Сяо Ся, зашивая штаны. Просто не существует!

Тем вечером Сяо Ся велела старине Чжао отказаться от запасного номера и вернуться к ней. Голубки наконец воссоединились. Среди всех радостных событий, схожих между собой, был лишь один омрачивший отпуск случай. За день до возвращения домой парочка заглянула в магазин, и старина Чжао купил Сяо Ся яшмовый браслет за пять тысяч юаней. Сяо Ся тут же нацепила

браслет на запястье, крутит им, вертит, браслет звенит, словно песню поет. Но не успела Сяо Ся вдоволь нарадоваться, как старина Чжао потихоньку вернулся обратно и приобрел еще один браслет, точно такой же, как у Сяо Ся на руке, по той же цене. Сяо Ся была уверена, что второй подарок не мог предназначаться кому-то из родственников – иначе почему старина Чжао купил его украдкой? Выходит, думала она, у него есть тайная подружка? Сяо Ся отложила эту невеселую мысль на потом, решила через полмесяца устроить старине Чжао допрос. Если тот и впрямь завел интрижку на стороне, за две недели браслет точно обретет новую хозяйку. И тогда... ха, тогда даже старине Чжао при всей его сообразительности не удастся улизнуть от ответа.

Вернувшись из поездки, старина Чжао каждые три дня, словно точный будильник, заводил разговор о свадьбе. Когда «будильник прозвенел» пять раз, Сяо Ся объявила:

— Ну что, как говорится, чистосердечное признание смягчает наказание! Пока не расскажешь, для кого купил второй браслет, о свадьбе даже не упоминай!

Лицо старины Чжао молниеносно налилось краской, как будто его поймали с поличным на месте преступления.

– А ведь я чуть было не вышла за тебя, – с содроганием проговорила Сяо Ся, решив, что вывела его на чистую воду. – Чудом пронесло!

У старины Чжао на лбу пот выступил. Сяо Ся вцепилась в него, как кошка в мышку:

— Что, бывшей пассии подарил?

Старина Чжао вытер лоб ладонью.

— У меня есть один секрет, только один, – проблеял он. – Можно... можно мне его сохранить?

— Либо твой секрет, либо я, – отрезала Сяо Ся, – либо «А», либо «Б», выбирай.

Некуда деваться, старина Чжао достал из шкафа яшмовый браслет.

— Вот те раз! – удивилась Сяо Ся. – До сих пор не подарил? Что-то ты не торопишься.

— А что, обязательно кому-то дарить? – возразил старина Чжао.

— Ну ты же его купил не для того, чтобы в шкафу держать!

— Я боялся, что ты или потеряешь свой браслет, или разобьешь, – сказал старина Чжао. – Поэтому купил еще один на всякий случай. Если хочешь, носи два сразу. Будет в два раза красивее.

У Сяо Ся по спине пробежала мелкая дрожь – знак, что ее тронули его слова, однако она призвала себя не терять бдительности:

— Все ты врешь!

Старина Чжао распахнул дверцы шкафа. Взгляду Сяо Ся предстали полки, полные всякого добра: были там и детские тряпичные куклы, и школьные аттестаты, и институтские дипломы, похвальные грамоты, марки, фотоальбомы, жесткие диски, ключи, сберкнижки, страховые полисы, пачки таблеток, фотоаппараты, наручные часы... Каждой вещи было по паре, только браслет хранился в одном экземпляре, потому что второй такой же болтался у Сяо Ся на запястье. На Сяо Ся аж заикание напало.

— Т-так ты к-коллекции собираешь? – выдавила она.

Старина Чжао покачал головой.

— Много лет я берег этот секрет как зеницу ока, прятал, как трусы под штанами, не думал, что ты о нем узнаешь. Я боялся, что эти вещи потеряются, поэтому к каждой подобрал пару про запас. Так на сердце куда спокойнее!